

Изучение мирового опыта демократизации и познание основ теории современной демократии и полиархии принципиально важно для формирования новой политической культуры населения. Это не означает, однако, что она должна слепо копировать иностранные образцы. Напротив, изучение успехов и неудач предшествующих демократизаций позволяет осмыслить глубину проблем, возникающих на этом пути, и правильно оценивать собственные возможности на фоне тех задач, которые предстоит решать. Это, вероятно, поможет избежать промахов и ошибок, подобно совершенным в недавние годы. Основными причинами просчетов, как представляется, с одной стороны, было легковесное отношение к задачам демократизации, поверхностное подражательство, иллюзии, будто демократию можно ввести декретами или демонстрациями, а с другой, абсолютизация идеи, будто одно лишь изменение экономического базиса - приватизация и появление класса собственников - автоматически обеспечит торжество демократии. Совокупный опыт, накопленный Россией, Белоруссией и другими странами, вступившими на путь демократизации, в будущем позволит избегать такого рода крайности.

1. Г. Моска. Правящий класс // Социологические исследования, 1994. - N 10. - С.189.

2. См.: Р.Даль. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы Философии. - 1994. - N 3. - С. 39-46.

3. См.: Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация // Политические исследования. - 1996. - №. 5.- С. 152.

4. Фромм Э. Бегство от свободы. - М., 1989 .

С.А. Елизаров

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ " ЛИЧНОСТЬ - ГОСУДАРСТВО" В ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Переход от классической марксистской схемы развития как последовательной смены общественно-экономических формаций к исследованию прошлого как истории цивилизаций требует не просто формального, а сущностного переосмысления опыта человечества, перехода к иной, цивилизационной парадигме истории, в которой решающим является не уровень развития производительных сил, а степень свободы личности. В этом контексте вся история предстает как

процесс свободно-личностного становления человека, а ее смысл - "в завершении антропогенеза, в переходе от царства природы к царству духа, от рабства (в его явных и скрытых формах) к свободе, от свободы немногих - к свободе каждого" [1].

При таком подходе основным критерием цивилизованности общества выступает степень свободы личности. Варварство рассматривается как комплекс социальных, экономических, политических и культурных условий, препятствующих становлению свободной личности, а цивилизация - как комплекс условий, способствующих самореализации человека как свободной личности.

При этом варварство не есть синоним бескультурия. Это - "материнское лоно цивилизации ... Оно предполагает невыделенность индивида из коллектива, эту еще природную, первоначальную форму рабства, а также равное для всех рабское подчинение патриарху или вождю, или проводникам их воли [2].

С появлением государства вопросы свободы личности приняли характер определения границ власти этого государства. Стремясь подчинить своей власти как можно больше сфер человеческой жизнедеятельности, государство пыталось свести до минимума возможность индивида действовать по своей воле. В этом оно постоянно находилось в конфликте с индивидом, с разной степенью успеха в разные исторические периоды защищавшего свое право на свободу от государственного диктата.

В обществах Древнего Востока государство смогло минимизировать свободу личности. Здесь отсутствовали частноправовые гарантии личности, человек никогда не воспринимался свободной и в прямом плане защищенной и независимой личностью. Существовали всеобщая зависимость населения от верховного владыки и произвол причастных к власти по отношению к рядовым людям.

Но и в этих обществах существовали механизмы (хотя и довольно слабые) ограничения государственного диктата. Прежде всего - это корпоративность (кланы, касты, землячества и прочие объединения, включавшие в себя, как правило, и бедных, и богатых, простолюдинов и высокопоставленных). Социальная функция этих корпораций заключалась в защите своих прав от всемогущего государственного деспотизма, перед которым отдельная личность была бесправна и бессильна.

Подлинная история цивилизаций начинается с античности. В Древней Греции впервые в истории появляются свободные люди, здесь впервые возникла и в первые была осознана противоположность свободы и рабства. К.Ясперс писал: "Западу известна идея политической свободы. В Греции - правда, только кратковременно - существовала свобода, не возникавшая более нигде. Полис заложил основу всего западного сознания свободы... Китай и Индия не знали подобной политической свободы... Великий поворот произошел в тот период, когда, начиная с VI в. до н.э., в Греции возникла свобода мышления, свобода людей, свобода полиса... С тех пор в мире возникла возможность сво-

боды" [3]. Исходный пункт этого поворота - появление частной собственности, в ясной форме утвердившейся только в античности и приведшей к сознанию особого античного способа производства.

Частная собственность стала основой материального, социального и духовного прогресса античного общества, появления и развития свободной индивидуальности. Она вызвала не только деление общества на рабов и свободных, но и формирование классов среди свободных, экономическую и политическую борьбу между ними.

Античность - это та основа, из которой выросла европейская цивилизация. Но культурное наследие античности было воспринято европейским Востоком и Западом по-разному, так как сама культура античности по сути была двухсоставной.

Первая основа античности - антропоцентризм, т.е. ориентация на свободного человека как высшую ценность, как центр всего сущего. "Мера всех вещей - человек", - так выразил эту сторону античного мироощущения софист Протогор.

Однако античное наследие - это и идея государства как высшей ценности культуры (принцип "социоцентризма") Она существовала как оппозиция афинской демократии, допустившей равенство родовитых и незнатных, как оппозиция индивидуальным свободам.

В ходе истории эти два принципа внешне разошлись таким образом, что первый принцип (антропоцентризм) стал решающим фактором западноевропейской истории, а второй (социоцентризм) - определяющим фактором развития Византии, а затем и ее наследницы - России) все это углубилось выходом России за пределы собственно Европы и влиянием завоевателей - монголов, принадлежавших к совсем иному культурно-историческому типу) [4].

Другой источник европейской цивилизации - христианство. Его раскол на две ветви - православие и католицизм - также сыграл громадную роль в формировании двух типов европейской цивилизации.

Церковный раскол - результат не только догматических расхождений, но и явление политическое, заключавшееся в различии принципов взаимоотношений государства и церкви в Западной Европе и Византии. На Западе церковь долгие годы с переменным успехом боролась за первенство со светской властью. В результате этой борьбы победителя не оказалось, но призрак тоталитаризма был рассеян, так как вне контроля государства осталось духовная жизнь людей.

В Византии государственная власть "одержала самую замечательную и самую горькую победу над церковью, полностью подчинив ее государству. История отношений между церковью и государством указывает на самое большое и самое серьезное расхождение между католическим Западом и православным Востоком [5].

Таким образом, сложилось два центра притяжения единой европейской культуры - Запад и Россия. Между этими центрами на протяжении долгих столетий шло упорное экономическое, военное, политическое, культурно-историческое соперничество. Каждый из этих цен-

тров претендовал на то, чтобы стать единственным, исключить необходимость в другом.

Однако такое противоборство сложилось не сразу. В историческом плане в IX - XIII вв. принципиально Восток и Запад Европы в сфере отношений "государство - личность" развивались в одном русле.

На Западе этот период - период ожесточенной борьбы за первенство между светской и церковной властью, в результате которой обе стороны пришли к компромиссу, разделив сферы влияния. Г.Федотов отмечал: "Установилось двоевластие, двойное подданство... Каждый человек был подданным двух царств: града Божия и града земного... При этих условиях ...не могло быть и речи об абсолютности светской власти..., сам факт церковно-государственного дуализма ограничивал власть государства, создавал сферу личной свободы" [6].

Дрезняя Русь, хотя и восприняла христианство в его византийском варианте, первое время также избежала подчинения церкви государству. Причина независимости киевских митрополитов была в том, что церковь Древней Руси не была автокефальной, т.е. независимой, а являлась частью византийского патриархата. Константинопольский патриарх назначал и смещал киевских митрополитов, окончательно решал все возникавшие на Руси церковные споры, получал дань от митрополита, судил его по жалобам на него епископов и князя. Независимость киевских митрополитов - подданных константинопольского цезаря и патриарха - в значительной мере обеспечивала церкви свободу от государственного диктата и также, как на Западе, не давала государству почувствовать себя всемогущим.

Другим ограничителем государственного всевластия на Западе в этот период служила система вассалитета, т.е. система договора между феодалами и королевской властью. Король был только "первым среди равных". В одних случаях он выступал как верховный господин для всех феодалов страны, но только как судья в спорах, т.к. никаких публичных прав не имел. В других случаях ("король-монарх") он был ограничен в своих действиях сословно-представительными учреждениями: парламентом в Англии, кортесами в Испании, Генеральными штатами во Франции.

В Киевской Руси князь также был ограничен во власти и дружиной, и вече. Дружинники-вассалы имели право свободно выбирать себе сюзерена и переходить от одного князя к другому, что вовсе не считалось изменой. Каждый боярин имел собственную дружину и владел землей как вотчиной. Р.Пайпс отмечал, что положение бояр немало походило на положение гражданина современного западного государства, который платит налог на недвижимость местным властям или государству, где владеет собственностью, однако имеет законное право проживать и работать, где хочет [7]. Вече на Руси в XI-XIII вв. - дело обычное. Оно вступало с князьями в договоры, призывая князя, удобного им: князь был по преимуществу военным руководителем, в мирное время принимал участие в управлении.

Вече на Руси было реальным шагом в обретении свободы личности непривилегированными слоями феодального общества. На Западе это было связано с "коммунальной революцией" - обретением многими городами свободы от центральной и местной феодальной знати (IX-XII вв.). Городские вольности защищали свободу горожан. Провозглашение личной свободы каждого, кто прибывает в город и желает в нем поселиться, запрещение сыска таких поселенцев их бывшими сеньорами, отмена права реквизиций - этапы реального освобождения личности горожанина.

Эта тенденция освобождения личности продолжается на Западе через Возрождение, Реформацию, Новое время с его великими социальными революциями. Возрождение перестает рассматривать человека как носителя всяческих пороков, всю жизнь обязанного искупать "первородный грех". Не Бог, а человек становится предметом внимания и восхищения. Гражданский гуманизм Возрождения требовал нравственного воспитания в духе республиканизма, т.к. именно республиканские порядки, по мнению возрожденческих идеологов, давали возможности наиболее полно раскрыть способности каждой личности. Несмотря на то, что эта эпоха одновременно была и временем расцвета культа и авторитета силы, разгула страстей, своеволия и жестокости, она, несомненно, послужила важным этапом освобождения человека от внешнего принуждения.

Выдающуюся роль в становлении новой западной капиталистической цивилизации сыграла Реформация и религиозные войны. Среди прочих причин, их вызвавших, в цивилизованном плане решающая роль принадлежала потребности идеологического обоснования свободного капиталистического предпринимательства. В условиях безраздельного господства католицизма формировавшейся буржуазии необходима была уверенность, что Бог благоволит предприимчивым, бережливым, усердным людям и порицает беззастенчивый государственно-феодальный произвол. Нуждаясь в нравственно-религиозных стимулах, буржуазия предъявила спрос на новые формы религии и на собственного теолога. И они появились - протестантизм и его родоначальник М.Лютер. Наиболее радикальной формой протестантизма стал кальвинизм, в самом ясном виде сформулировавший идеи новой буржуазной идеологии.

Борьба протестантов и католиков, отказ двух сторон от компромиссов, фанатизм и нетерпимость раскололи Западную Европу на два стремящихся к полной победе лагеря. Силы оказались примерно равными, борьба затянулась, и шансы победы одной из сторон со временем становились все более призрачны.

В результате произошел переход к новым формам организации общества и к новым его идейным основам. В XVI-XVII вв. завершился процесс формирования абсолютных монархий, полновластно решавших вопросы жизни государства. Но опыт религиозных войн привел к постепенному осознанию правителями необходимости отказа от кон-

троля за "праведным поведением" и "праведными мыслями" своих подданных, от вмешательства в их духовную жизнь. Реформация положила начало десакрализации светской власти, лишению ее ореола святости, ореола "блюстителя должного образа жизни" и "духовного здоровья" населения. Теряя сакральный облик, власть превращалась просто в административно-бюрократический механизм обеспечения гражданского мира и охранения жизни и собственности людей, обрекая тем самым себя в недалеком будущем на ограничение в контроле над своими подданными.

Следствием Реформации явилось и формирование принципа веротерпимости, в дальнейшем трансформировавшегося в принцип толерантности. Реформация выработала тип человека, привыкшего основываться на собственном мнении, искать ответы самостоятельно, не оглядываясь ни на церковь, ни на государство, ни на соседей.

Решающий шаг в переходе к новой системе отношений "государство - личность" произошел в результате великих социальных революций XVII-XVIII вв. в Англии, Северной Америке и Франции. Основу этих революций составили идеи естественных, неотчуждаемых прав человека, данных ему от природы и включавших право на жизнь, свободу, собственность, ограничивавших права государства четкими рамками и представлявших гражданам реальные возможности воздействия на государственную политику (концепция "общественного договора"). Идеи, зафиксированные в Декларации независимости США и Декларации прав человека и гражданина Великой Французской революции, определили основы современной западной цивилизации, по которым Запад и живет последние два века.

Иной тип взаимоотношений "государство-личность" сформировался на Востоке Европы. Решающую роль в этом сыграли два фактора: монгольское нашествие и православие.

Монгольское нашествие вырвало Восточную Европу из общеевропейского цикла развития, во многом определив характер развития этой части континента на многие столетия.

Основной удар монголы нанесли по средневековому русскому городу, подорвав русское городское ремесло, «товарное производство и товарное обращение, что застопорило процесс перехода к раннекапиталистическим отношениям. Была пресечена русская традиция городского самоуправления. Свой удар монголы нанесли именно против тех элементов общества, из которых на Западе выросли капиталистические отношения, идеи и практика демократии и прав человека, в конечном итоге давшие современную западную цивилизацию.

На Руси центральная власть не имела такой развитой инфраструктуры (прежде всего городской) в качестве союзника в деле формирования и дальнейшего реформирования государства, что в значительной мере определяло необходимость безграничной власти великого князя (царя, императора) и развитого бюрократического аппарата в условиях громадных географических пространств. "Средневековый го-

род, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада... Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада - буржуазию... Историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности - и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, из которого проистекли, как естественные последствия, все остальные" (М.И.Туган-Барановский)[8].

Монгольское нашествие способствовало закреплению на Руси власти восточно-деспотического типа ("православное ханство").

Орда нуждалась в достаточно сильной княжеской власти для сбора дани (прежде всего с городов). Сохранив свои владения, князья получили от Орды мощную поддержку, став ее пособниками в сборе дани, усилившись за счет погрома городов. Фактически, вступив в соглашение с Ордой, князья и боярство получили взамен власть над городами, уничтожив к началу XIV в. элементы городского самоуправления везде, кроме Новгорода и Пскова.

В дальнейшем, устав бороться с восстаниями в условиях постоянных междусобиц русских князей, Орда передала функции сбора дани великому князю. Первым главой ордынской администрации на Руси из местных стал московский князь Иван Калита.

Главной функцией великого князя стал беспощадный сбор дани, для чего потребовался мощный бюрократический аппарат и надежная социальная и военная опора - служилое воинское сословие, получавшее вознаграждение (в том числе и землю с крестьянина) только за службу и только во время службы государству.

Борьба с боярством и боярскими вольностями стала решающим шагом великокняжеской власти по ликвидации основного источника феодальной демократии на Руси. Конец XIV в. (1374г.) положил начало постепенному нарушению властью права бояр на свободный уход от князя.

Законодательного акта, запрещавшего свободу перехода бояр, не существует: этот обычай сложился в результате совокупности конкретных мер, принятых с целью помешать боярам уходить от князя или отказываться от службы (сложилась как система к нач. XVI в.), но его реализация затруднялась наличием у бояр вотчинной собственности.

Влияние монголов проявилось и здесь в результате установления на Руси принципа "монгольского права на землю", по которому вся земля принадлежала хану, т.е. носителю высшей военно-государственной власти. Частных земельных собственников Золотая Орда не знала. Покоренные русские князья перестали быть собственниками, каждый раз получая из Орды "ярлыки" - право на княжение и управление. Этот принцип владения землей переняла у монголов Московская Русь.

Первый решительный шаг по ликвидации экономической основы

независимости боярства предпринял Иван III в итоге завоевания Новгорода и захвата земель у новгородского боярства. Земля эта была роздана дворянам в поместья, а вывезенной из Новгородской земли знати были даны новые земли, но уже на поместном праве. После смерти его сына Василия III боярские вотчины все еще преобладали в центральных областях Московского государства, а по окраинам - в новгородских, псковских, смоленских, рязанских землях - земля большей частью представляла собой поместья.

Решающий удар нанес Иван IV, подорвав мощь и влияние феодальной аристократии. Развитие завершилось экспроприацией феодальной собственности в пользу всемогущего государства и его слуг, в пользу государственной собственности, которая стала доминировать до конца XVIII в.

Русское централизованное государство в процессе своего создания опиралось на официальное вероучение, которое не терпело ни малейших возражений, а всякое сомнение рассматривалось как государственное преступление. Идеология русского самодержавия была выработана православными священниками, по мнению которых, интересам религии и церкви лучше всего смогла бы послужить монархия с неограниченной властью. Основной смысл этой идеологии можно свести к некоторым основным моментам.

1. Идея "3-го Рима" (сформулирована в первой половине XVI в. псковским монахом Филофеем). Рим Петра и Константина пали в наказание за ересь; Москва сделалась 3-м Римом и как таковая будет стоять вечно, ибо четвертому не бывать; Русь есть безупречнейшее и благодетельнейшее христианское царство на Земле.

2. Идея империи. Московские государи - наследники императорской линии, берущей начало от императора Августа. Их династия - древнейшая и потому досточтимейшая на свете.

3. Русские властители - вселенские христианские государи, императоры всего православного мира, т.е. обладают правом править и защищать православных, а также правом ставить их под русскую власть.

4. Божественное происхождение царской власти. Вся власть от Бога, и царь, когда он стоит у кормила власти, подобен Богу. Русским идеалом стало "государство правды"; главная задача такого государства - защита чистоты православия и забота о спасении душ подданных. "Государство правды" не знало никаких прав, а лишь обязанности: долг подданных - служить земному Богу - царю, а государь обязан служить Богу небесному. Если на Западе в результате Реформации вопрос спасения становился личным делом человека, то в России он был главной функцией государства.

Важное значение в формировании особого характера российской цивилизации было поражение "православной реформации" и закрепление единой авторитарной церковной организации. Появившаяся в конце XV в. ересь ("заволжские старцы" Нила Сорского, "жидовствующая ересь" в Новгороде) была подвергнута гонениям со сторо-

ны церкви и государства. Церковный Собор 1504 г. осудил ересь, и многие еретики были сожжены на кострах по испанскому образцу. На долгие годы - вплоть до церковного раскола второй половины XVII в. - было искоренено инакомыслие. В русском православии восторжествовало волевое начало, т.е. стремление подчинить действительность идеалу ("Истинно верующий должен не рассуждать, а подчиняться идеалу").

Единственной формой социальной критики на Руси было юродство. Юродивый, как бы заранее отрекаясь от всех мирских благ, тем самым получал свободу "резать правду-матку" в глаза хоть самому царю. В российском обществе происходит закрепление византийской традиции в отношениях власти и церкви.

XV-XVIII вв. - время установления в русской православной церкви единоначалия, притом единоначалия государства. Формальное провозглашение главенства московского государя в церкви произошло в связи с разрывом зависимости московской церкви от константинопольского патриарха. Пока существовали удельные княжества, а Москва была еще слабой, эту зависимость московские князья терпели. Но в конце XIV в. гонения увеличиваются по самому важному для Москвы вопросу-вопросу о кандидатах на митрополичий престол (церковная политика Д. Донского). При Василии II принято решение об автокефалии Московской митрополии в результате несогласия о Флорентийской унии. С 1458 г. московские митрополиты стали выбираться на соборе русских архиреев из кандидатов царя без участия константинопольского патриарха. 1589 г. - учреждение собственного московского патриаршества. Все церковное управление, церковные власти подчинялись царю. Церковные Соборы XVI и XVII вв. созывались царскими указами, члены их приглашались лично царскими грамотами, порядок дня определялся царем, а проекты докладов и постановлений составлялись заранее предсоборными комиссиями, состоявшими обычно из бояр и думных дворян. На заседаниях Соборов всегда присутствовал или царь, или его уполномоченный боярин, который строго следил за точным выполнением предначертанной программы. Царское вмешательство выходило за рамки административных, судебных, финансовых вопросов. Еще царь издавал распоряжения о соблюдении постов, о служении молебнов, о порядках в церквях, и нередко адресовал такие указы не архиреям, а своим воеводам, которые должны были следить за их выполнением и наказывать ослушников [9].

Полное подчинение церкви государству произошло при Петре I в результате церковной реформы. В 1721 г. Петр I подписал манифест об учреждении Духовной коллегии (в дальнейшем - Священный Синод). Таким образом, церковь превратилась в одно из министерств российского государства: "... ответственная преемница Византии есть русская империя. И теперь Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой

исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности и послушное орудие мирской власти, где это устранение божественного авторитета не уравновешивается даже (насколько это возможно) свободой человеческого духа" (В.С.Соловьев) [6].

Существенную роль в формировании особого типа государственности на Востоке Европы сыграл и природно-географический фактор.

Скудные почвы, их быстрое истощение побуждало русского крестьянина вечно перебираться с места на место в поисках новых земель, а обилие целины не стимулировало повышение производительности хозяйства: распахать новые земли было легче и дешевле, чем улучшать старые, что позволяло долгое время сохранять традиционные формы ведения хозяйства (этим во многом объясняется и социальная психология тяги к стабильности, боязь и нежелание перемен). До тех пор, пока внешние пределы страны можно было раздвигать, русский крестьянин оставлял позади себя истощенную почву и рвался дальше и дальше в поисках земель, пригодных для освоения. В.Ключевский считал колонизацию основополагающей чертой русской жизни.

До середины XVI в. русская колонизация по необходимости ограничивалась западными областями лесной полосы. Попытки внедриться в черноземную полосу встречали сопротивление кочевников. С покорением Казанского и Астраханского ханств русские переселенцы хлынули на восток. Эта массовая колонизация является одной из основ формирования военно-бюрократического российского государства. Пока процесс колонизации (в условиях истощенности почвы и ее изначальной скудности) поиск новых земель был крайне важен для русского народа) ограничивался лесной полосой, он мог идти стихийно и без государственного военного прикрытия. Но для колонизации степных черноземных земель уже требовалась военная сила. В связи с этим мощное централизованное военное государство становилось жизненно важным для населения России и ее экономики.

Колонизация также снимала остроту социальных конфликтов, за счет миграции недовольных активных элементов общества на еще свободные земли, позволяя надолго сохранять традиционные формы общественных отношений.

"Необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработает ее... Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их" (Н.А.Бердяев) [11].

Таким образом, сформировалась восточноевропейская цивилизация - цивилизация с российским системообразующим началом, российским историческим, религиозно-духовным и культурным ядром. Матрицу этой цивилизации составляла государственность.

Именно государственность на русской этнонациональной основе

с иноплеменными вкраплениями служила и служит объединяющим скрепом множества различных географических зон, народов, культур, традиций. Она выступала и как главная интегративная структура русского этноса, и как гарант от внешней опасности быть поработанным и расколотым на племенные объединения "населением". Величие и мощь России были основаны на функционировании сильной государственной власти с жесткой централизацией и опорой на военно-бюрократическую элиту. Г.П.Федотов писал, что русский народ "сознательно или бессознательно... сделал выбор между национальным могуществом и свободой" и потому "несет ответственность за свою судьбу" [12].

Напластование конкретно-исторических событий, усиленное "византизмом" (как решением вопроса между сущим и должным посредством интегрирующей роли государства) способствовали закреплению в гено tipe русской культуры идеи "справедливого государства" как единственного гаранта защиты достоинства, имущества, жизни и души своих подданных на земле. В связи с этим утвердился и принцип солидаризма, требующий не просто внешнего, а обязательного внутренне-осознанного подчинения индивида социуму, предполагающий возможность только коллективного движения к светлому будущему под руководством харизматической государственной власти.

Свобода в российской традиции рассматривалась лишь применительно к государству как его право на бесконтрольность, а попытки защиты интересов личности и утверждения конституционных гарантий от государственного произвола квалифицировались как посягательство на основы российской жизни. Рамки свободы личности были четко детерминированы интересами государства как самодавяющей и самодостаточной системы, а сам человек рассматривался как ценность только в контексте своей деятельности по усилению государственного внешнего и внутреннего экспансионизма.

К фундаментальным особенностям российской цивилизации следует отнести и дух непримиримости по отношению к альтернативам, направленным на ограничение сферы государственного диктата в пользу гражданского общества. Противостояние здесь обычно велось до полного уничтожения противоположной стороны либо до такого ее ослабления, когда исчезает реальная опасность для государства-победителя. Толерантность как рациональный способ организации социального организма не закрепились в российской традиции. Не снятие противоречий, а их уничтожение составляет суть российского развития. Имевшиеся в истории России уступки гражданскому обществу - это не результат понимания государством потребности критической оценки своего предшествующего опыта и последующим обогащением новыми ценностями, а временные уступки, вызванные только своей слабостью и впоследствии либо уничтожаемые либо сводимые до безопасного минимума.

Российскому менталитету характерны и чувство особого "коллек-

коллективного превосходства" как носителя и хранителя истинных ценностей и отношение резкого противопоставления "мы-они", где "они"- все, кто имеет иную ценностную матрицу. Комплекс "коллективного превосходства" складывался постепенно в результате сначала глобальной изолированности от внешнего мира, а затем жесткого "духовного изоляционизма" под флагом защиты "истинной веры". Роль государства в этом значительна. Свобода личности как первейшая и самоценная реальность в качестве определяющей черты западного общества несла смертельную опасность российскому государственному диктату. Главное, что мог он противопоставить распространению западных либеральных ценностей (вслед за технологией) - это жесткое регулирование внутреннего мира подданных и консервацию отвечающих интересам такого государства духовных приоритетов как высших в сравнении с духовным миром "секуляризованного" западного человека. Всякое сомнение в официальном вероучении пресекалось государственной машиной.

Эти социокультурные основы российской цивилизации - государственность с акцентом на силовое решение противоречий, солидаризм и комплекс "коллективного духовного превосходства" являются определяющими для выявления перспектив модернизации постсоветского общества именно как эффективной внутренней трансформации своего социокультурного кода на основе внешних импульсов. Вся сложность этого процесса в том, что своим острием эта модернизация направлена против глубинных жизненных основ народа.

Либеральные концепции западной демократии с ее приоритетом прав личности обречены на поражение здесь, пока не произойдет инверсия восточно-европейской культурной шкалы ценностей. Вспомним Г.П.Федотова: "Свобода рождается как привилегия, подобно многим плодам высшей культуры. Массы долго не принимают ее и не нуждаются в ней, как не нуждаются и в высоких формах культуры" [12]. Поэтому укрепление и постепенное расширение постсоветской "вестернизированной" элиты, сознающей себя свободными гражданами, т. е. лицами с *чувством* личной социальной ответственности и уважением своей свободы, немислимой без уважения свободы других, можно рассматривать как практический шаг по соединению восточнославянской самобытности и западничества. Правда, это может оказаться очередной иллюзией, учитывая печальный опыт "первой редакции" такой "вестернизация" до Октября 1917г.

Массам, отвергающим "вестернизацию", отторгающим социокультурные основы западничества, еще долгое время потребуется мощное патерналистское («отеческое») государство. Но в этом и кроется самая серьезная опасность для молодой демократии, ибо подобный патернализм чреват возвращением государственного деспотизма.

1. Кантор К.М. История против прогресса. - М., 1992. - С.4.
2. Кантор К.М. Указ.соч. - М., 1992. - С.5.

3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1991, с.85.
4. Кантор К.М. Указ. соч., с.69.
5. Тойби А. Постигание истории. - М. 1991. - С.319.
6. Федотов Г. Три столицы // Новый мир. 1989. - N 4. -С.218-219.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М., 1993. - С.69.
8. Туган-Барановский М.И. Интеллигенция в России // Вехи. - М., 1991. -С.419-420.
9. См. подробнее: Никольский Н.М. История русской церкви. - М., 1983.
10. Соловьев В.С. Сочинение России. - М., 1990. - С.63.
12. Бердяев Н.А. Судьбы России. М., 1990. - С.63.
12. Федотов Г. Россия и свобода // Знамя. - 1989, - N 12. - С.203

С.А.Юрис, Т.А.Юрис

ПРАВО И ОБЩЕСТВО

Что такое право? Какова его роль в обществе? Достаточно сложные для нас вопросы, так как, как мы знаем, в нашей стране в прошлом не очень-то серьезно задумывались над этими проблемами.

Вне и помимо права не может нормально функционировать материальное производство, не могут эффективно действовать институты политической демократии, нельзя обеспечить всестороннее развитие личности, творческую инициативу масс. Осознание этих моментов, хорошо понятых и принятых Западом, как и осознание того, что для нормальной жизни общества и его членов совершенно необходимо правовое государство, приходит к нам в нынешнее время.

Итак, что же такое право и правовое государство?

Исторически государство и право появляются одновременно. Это произошло, когда появилась частная собственность и разделение общества на классы.

Для основоположников марксизма был характерен подход к государству как к политическому орудию в руках экономически господствующего класса для подавления и эксплуатации угнетенных классов. Именно на этой функции делала ударение наша догматизированная наука. Однако Маркс и Энгельс вовсе не считали подавление и угнетение эксплуатируемых единственной внутренней функцией государства и даже не ставили ее на первое место. К примеру, Энгельс указывал, что государство, будучи продуктом и проявлением непримиримости классовых противоречий, вместе с тем настолько "умеряет" межклассовые столкновения, насколько это необходимо для того, чтобы держать их в границах "порядка" и не дать классам с противоречивыми экономическими интересами пожрать друг